

Байрачный К.А.

ФИЛОСОФИЯ В ЖИЗНИ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

У статті показаний процес становлення автора як філософа, значна частина життя якого пройшла у стінах ХАІ з 1960 р. по теперішній час. Читачі дізнаються, які труднощі зазнавала радянська наука і зокрема філософія в умовах тоталітарного режиму. Вказується на недопустимість голого, простого заперечення марксизму, необхідність його критичного аналізу. Показані істотні зміни перебудови у розвитку духовного життя суспільства, та бачення автором подальшого розвитку філософії у XXI столітті. Значний інтерес представляють методичні поради автора з написання кандидатських і докторських дисертацій. Наводиться список літератури, вивчення якої дає можливість уявити сучасний рівень розвитку філософії.

Ключові слова: ортодоксальний марксизм, радянський соціалізм, плюралізм.

The process of the formation of author as a philosopher, whose significant part of life walked within the confines of KhAI from 1960 to present time is being showed in the article. Readers are learned what difficulties Soviet science experienced and in particular philosophy in an atmosphere of totalitarian regime. Not permissibility of bare, common denial of Marxism, necessity of its critical analysis is being indicated. Substantial changes of reorganization in the development of inner life of society, and vision by author further development of philosophy in XXI century are showed. Systematic advices of author by writing of doctoral theses are been of significant interest. The list of literature, whose learning will give possibility to imagine modern level of development of philosophy is being given.

Key words: orthodox Marxism, Soviet socialism, pluralism.

Свои заметки я обращаю прежде всего к аспирантам. Мне 75 лет. С полным основанием могу сказать, что всю свою сознательную жизнь, начиная со студенческих лет, посвятил изучению философии, которая стала для меня образом жизни. И хотя порой бывало трудно, но о своем выборе я не жалею, т.к. для меня философия стала самой интересной наукой. Но это не исключает моего трепетного отношения ко всему корпусу наук.

Я учился в Харьковском юридическом институте с 1950 по 1954 гг. Различные юридические науки преподавали выдающиеся, талантливые профессора с большим жизненным опытом. На их лекции я ходил как на праздник, впитывая как богатое содержание, так и их красочную, яркую форму. Огромное им за это спасибо. Но тем не менее, мой интерес вызвали лекции по теории государства и права, логике и философии.

Уже тогда я понимал, что этим наукам в то время в нашей стране было, мягко говоря, неуютно. Чего стоит, например, заявление преподавателя философии: «Я вам прямо скажу, что Сталин как теоретик, сильнее Ленина». Думаю, мало кто поверил в искренность этих слов. Но таково было то время. На многие вопросы мы не могли получить адекватного ответа.

Так, мы изучали работу Ф. Энгельса «Л. Фейербах и конец классической немецкой философии». В ней, например, говорится: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения. И ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса

возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» [1, с. 376]. И там же: «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это – вещи, которые могут существовать только в фантазии» [1, с. 375]. Но эти мысли Энгельса шли вразрез с идеологическими установками Компартии бывшего СССР: коммунизм есть высшая идеальная форма общественного устройства, где государства не будет, классов не будет, денег не будет, антагонистических противоречий не будет. Развязать этот узел тогда было невозможно. Известное положение К. Маркса «подвергай все сомнению» находилось под запретом.

В то время можно было легко получить большой срок лагерей за вредные мысли с точки зрения тоталитарного режима. Всякая власть боится идей, угрожающих ее существованию.

Содержание советской философии сводилось к двум законам диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество. Толкование их было чисто субъективным. С политической точки зрения, когда нужно было обосновать репрессии, речь шла об обострении классовых противоречий. Когда же речь шла об экономических проблемах советского социализма, противоречия отрицались.

И хотя в работах Маркса, Энгельса и Ленина рассматривался закон отрицания отрицания, в советской философской литературе того периода он отсутствовал. И только после XX съезда КПСС (1956), разоблачившего культ личности Сталина, начался постепенно процесс развития советской философии. Но и при этом истинной, научной философией признавалась только философия диалектического и исторического материализма.

Кафедры общественных наук находились под жестким контролем. Каждый год я, как заведующий кафедрой философии, отчитывался на Совете института и на заседании парткома. А в целом работу кафедры в течение года проверяли по десять комиссий и более. И в это же время меня привлекали к работе в двух-трех комиссиях по проверке моих коллег в других вузах. Стиль работы этих комиссий был далек от этических норм, протекал в атмосфере недоверия и так называемой политической бдительности.

Работа В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» рассматривалась как его философское завещание. Любая форма идеализма трактовалась как антинаучное, реакционное мировоззрение.

В то же время у Ленина есть замечательные высказывания в «Философских тетрадах»: «Умный идеализм ближе к умному материализму, а не к глупому материализму» [2, с. 248]. И там же: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма метафизического» [2, с. 322]. А его «завещание» перечеркивает эти глубокие мысли, высказанные ранее. В условиях признания приоритета общечеловеческих ценностей и преодоления абсолютизации, доведенного до абсурда классового подхода, положения эти приобретают особое значение.

Да, вся история философии была историей борьбы материализма и идеализма. Но ведь можно назвать философов, творчество которых представляло собой синтез материализма и идеализма, например, Аристотель, И. Кант, Г. Сковорода. Независимо от характера мировоззрения для многих философов прошлого и настоящего было единое связывающее звено. Это проблема человека как центральная проблема их философии. Утверждение древнегреческого философа Протагора: «Человек есть мера всех вещей» – получило развитие и у материалистов, и у идеалистов. Об этом свидетельствуют работы Платона, Канта, Маркса, Бердяева, Маркузе, Ясперса... И сегодня у многих западных

философов мы не находим традиционного деления на материалистов и идеалистов.

В угоду политическим соображениям Ленин в статье «К вопросу о диалектике» утверждал: борьба – абсолютна, а единство – относительно. Но эта точка зрения противоречит тому определению диалектики, которое дал Энгельс. Оно приводится в начале этих заметок. В той же работе Энгельс подчеркивает, что революционный характер диалектики абсолютен, – «вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической философией». Что же касается соотношения абсолютного и относительного, то его нельзя рассматривать как что-то застывшее. В зависимости от конкретной ситуации они могут меняться местами.

В результате допущенной ошибки вся история Советского государства – это абсолютизация борьбы, как всеобщее явление во внутренней и внешней политике. А это могло привести к неоправданным последствиям, к гибели нашей планеты. Философская ошибка, возведенная в ранг государственной политики могла привести к катастрофе.

В течение многих лет в вузовских программах предусматривалось изучение работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Следует сразу сказать, что эта книга, спорная по ряду вопросов, могла представлять интерес для узкого круга специалистов. И она совершенно справедливо, обоснованно и объективно была подвергнута критике А.А. Богдановым (см. [3]). Догматическое ее изучение в вузах студентами и аспирантами не могло не вызвать негативного отношения и к этой работе и к философии в целом.

Вместе с тем, в этой работе содержатся, на мой взгляд, чрезвычайно глубокие философские выводы. Чего стоит утверждение Ленина, что электрон неисчерпаем, как и атом. В то время как специалисты физики считали электрон неделимым, как и атом в свое время. А утверждение Ленина получило свое подтверждение в теории элементарных частиц. Диалектический метод дал возможность Ленину сделать по сути великое открытие.

Особое внимание вызывает мысль Ленина, что противопоставление материи и сознания абсолютно в рамках основного вопроса философии, за пределами его это противопоставление – относительно (см. [4, с. 151]). К сожалению, это глубокое положение не получило своего дальнейшего развития ни в работах Ленина, ни в работах советских философов. Вопрос остается открытым и на сегодняшний день.

В 60-х гг. XX века в советской печати появились две интересные работы, посвященные до сих пор необъяснимым и малопонятным явлениям передачи «мысли» на расстояние (см. [5], [6]). По прочтении этих работ возникает вопрос, что является источником такого феномена.

В это же время в Харькове выступал В. Мессинг, который на расстоянии «читал мысли» других людей и передавал свои. Кроме того, он обладал даром предвидения. Так, например, в начале Второй мировой войны он предсказал, что она закончится 9 мая 1945 г. нашей победой. Аналогичная ситуация была с Вангой в Болгарии. Эти паразитические феномены остались необъяснимыми современной наукой.

Как видно, недопустимо упрощенное толкование взаимосвязи материи и сознания. С этой точки зрения возникает следующая проблема: взаимосвязь материализма и идеализма, которая в недалеком прошлом в советской философии рассматривалась односторонне. Сегодня представляется, что эти два направления философии следует не противопоставлять друг другу, а рассматривать их органическое единство, поскольку они дополняют друг друга в общем процессе развития человеческой мысли.

Трагедию развития советской философии в условиях тоталитарного режима глубоко и обстоятельно исследовал профессор Массачусетского технологического института

(США) Л.Р. Грэхэм в своей содержательной монографии «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» (1991) [7]. В ней автор показал на большом фактическом материале, как понятие свободы научного поиска, научного исследования третирировалось в Советском Союзе. Развитие таких наук, как генетика, кибернетика, психология, физиология и др. находилось под идеологическим прессом догматических установок. В литературе тех лет утверждалось, что генетика и кибернетика – лженауки. Подчеркивалось, что философия, естественные и математические науки также партийны, как и науки экономические или исторические.

Все это не могло не привести к тормозу в развитии целых научных отраслей. В сталинских лагерях погибли многие крупные ученые, снискавшие мировое признание. Сложилась традиция использовать советскую философию как интеллектуального полицейского по отношению к науке. В завершение своей работы автор подчеркивает, что «...многие естествоиспытатели и философы во всем мире полностью принимают диалектико-материалистические положения о существовании объективной реальности, но одновременно отказываются признать себя диалектическими материалистами» [7, с. 420].

И это не случайно, т.к. диалектический материализм в руках официальных идеологов превратился по существу в государственную религию и являлся политической доктриной деспотического и недемократического государства [7, с. 419].

Оковы, в которых находилась советская философия, не давали возможности для ее теоретического развития. Как результат, можно было пересчитать по пальцам защищенные докторские диссертации по философии, а многие из них по сути были далеки от философии, поскольку прославляли сталинский режим, а другого и не могло быть.

В Харькове, вузовском центре, до 1970 г. не было защищено ни одной докторской диссертации. Первой в 1970 г. была Елена Александровна Якуба, создавшая впоследствии социологический факультет в ХНУ им. В.Н. Каразина, преодолевая при этом огромное сопротивление партийных и государственных чиновников. Вторым был я (в 1971 г. в Москве защитил докторскую диссертацию по философским проблемам государства). Затем процесс пошел. Защитили докторские диссертации: А. Плахотный, В. Чефранов, В. Жеребкин, А. Бурдина, Н. Сазонов. У всех я выступал официальным оппонентом. Работы этих философов представляли значительный интерес, вносили определенный вклад в развитие теории. Особый интерес представляла работа А. Плахотного по проблеме ответственности, которая не утратила актуальности и сегодня. Было бы неплохо, если бы все государственные чиновники, изучив эту работу, практически воплощали в жизнь ее положения.

В настоящее время почти все кафедры философии харьковских вузов возглавляют доктора философских наук, а в целом их насчитывается уже более тридцати.

Любая докторская диссертация предусматривает определенный вклад в теорию. Но в условиях догматизма, когда шаг вправо или влево рассматривался как преступление, сделать это было довольно трудно и опасно.

Тем не менее в своей работе я выдвинул ряд методологических принципов в исследовании государства. Среди них хотелось бы назвать следующие: 1) методологическая роль диалектики в исследовании государства; 2) сочетание демократизма и централизма как объективная необходимость любого государства; 3) обоснование, что демократический централизм является объективным законом развития государства; 4) раскрывая сущность советского государства, я вступил в полемику со многими учеными, обращая внимание

на несостоятельность многих выдвинутых положений, которые были проявлениями волюнтаризма и субъективизма, стремлениями забежать вперед, когда для этого нет объективных условий; 5) в научный оборот было введено общесоциологическое понятие «государство».

В то время в Москве среди философов сложилось два лагеря. Один состоял из оголтелых сторонников сталинизма, хотя и не все это открыто признавали. Но тем не менее они находились в плену догматических установок, проявляя комплексы своей философской несостоятельности, неспособные к творческому мышлению. Представители этой группы встретили негативно выдвинутые мной положения, особенно обоснование демократического централизма как закона. Меня объявили ревизионистом, недостойным представлять советскую философию. Мне было сказано, что я должен мыслить только в рамках решений партии. То есть, мне было отказано мыслить творчески.

Преодолевая сопротивление этой группы, после трехкратного обсуждения в редакции, я опубликовал в московском философском журнале статью «Ленинский анализ диалектики централизма и демократизма в развитии советского государства» (см. «Философские науки», № 6, 1969). При этом пришлось отказаться от наиболее оригинальных мыслей.

Я благодарю судьбу, что в Москве я встретил, и со многими подружился, целую группу талантливых, творчески мыслящих философов, сумевших сохранить свое лицо в тех сложных условиях, несмотря на давление, а порой и преследование бюрократического аппарата. Они внесли достойный вклад в развитие философии. Считаю своим долгом назвать их имена. Это профессора: В.С. Семенов, Ц.А. Степанян, В.И. Разин, Г.М. Штракс, В.С. Готт, Д.М. Трошин, А.П. Шептулин, П.Т. Белов, П.В. Копнин. Я их всех сердечно благодарю за помощь и моральную поддержку в борьбе с динозаврами от философии. К сожалению, в силу биологических законов природы почти все уже ушли из жизни.

Перестройка М. Горбачева внесла живую струю в развитие духовной жизни общества. Прежде всего следует отметить, что на Родину были возвращены произведения блестящей плеяды русских религиозных философов, представляющих общемировую ценность. Среди них следует назвать следующие фамилии: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.Р. Федотов, Г.В. Флоровский, Л.И. Шестов, Г.Г. Шпет, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, С.Л. Франк. Значительная часть из них была выслана из Советской России в 1922 г. как инакомыслящие, не признающие законности Советской власти. Другие, которые не смогли выехать, погибли затем в сталинских лагерях.

Вторым, не менее важным фактором, была ликвидация железного занавеса и знакомство с трудами западных философов, представляющих целый ряд направлений.

Многообразие этих направлений рассматривалось в советских учебниках по философии как кризис западной философии, ее деградация и упадок. На самом деле все эти направления свидетельствуют прежде всего о свободе творчества, о многообразии подходов в исследовании философских проблем.

Я завидую аспирантам, которые получили возможность познакомиться с трудами русских религиозных философов, с произведениями Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, наиболее ярких представителей феноменологии, с работами Х. Гадамера, основателя герменевтики, с работами Г. Маркузе – наиболее яркого представителя франкфуртской школы, с произведениями Ф. Ницше, которого у нас длительное время рассматривали как идеолога фашизма. Наконец его реабилитировали. И он предстал перед нами как глубокий мыслитель, изучающий философию жизни, иррационализм. Разновидность философии

жизни нашла отражение в трудах Х. Ортеги-и-Гассета. Огромный интерес, с моей точки зрения, представляет экзистенциализм, идеи которого нашли отражение в работах С. Кьеркегора, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра.

Когда знакомишься со всеми этими работами, понимаешь, что овладеть всем богатством философских идей в полном объеме, которые выработало человечество на протяжении своей истории, невозможно, но стремиться к этому надо, если вы хотите постигнуть силу мудрости человека.

И наконец, перестройка дала возможность опубликовать мне ряд статей, что в условиях тоталитарного режима просто было невозможно. Это работы: «Не может быть абсолютных истин» (Ленінська зміна, 9 вересня 1989 р.), «Кто не смотрит вперед, тот оглядывается назад» (Красное знамя, 10 марта 1990 г.), «Свобода мысли и цивилизация» (Время, 7 февраля 1991 г.), «Возрождение марксистской философии» (Сборник статей. Общественные науки в период перестройки. – Харьков: ХАИ, 1993 г.), «Еще раз к вопросу о диалектике» (Научный вестник ХГПУ, вып. 9, Харьков, 2001 г.).

Хотел бы более подробно остановиться на статье «Кто не смотрит вперед, тот оглядывается назад». Вызвана она была публикацией статьи Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка» (Коммунист, 1989, № 18). В своей статье я полемицирую с Горбачевым и обращаю внимание на ряд логических ошибок. Моя статья была опубликована без каких-либо сокращений. Впервые в жизни я почувствовал себя свободным ученым, вернувшим к жизни критическую функцию философии. Это была какая-то фантастика. Еще недавно такое себе представить было невозможно.

В статье М. Горбачева есть критический анализ взглядов Маркса и Ленина, и творческое развитие этих взглядов, и положительная оценка опыта социал-демократии, что еще недавно было немыслимо. Далее я подчеркиваю, что целый ряд выдвинутых положений остаются логически незавершенными. Так, на основе нового видения социализма речь идет о принципах этого общества. Их анализ в статье показывает, что они не осуществлены. И вместе с тем говорится, что у нас произошла «деформация социализма». Закономерно возникает вопрос, как можно деформировать то, чего не было?

Анализируя статью М. Горбачева, я делаю три вывода:

1. Общество, в котором мы живем, нельзя назвать социалистическим.
2. Программа КПСС, принятая 27 съездом партии, в значительной степени есть результат догматического толкования рассматриваемых в ней проблем. Ведь утверждения, что «социализм в нашей стране стал реальностью», что «страна вступила в этап развитого социализма», лишены объективного научного обоснования.
3. В сознании каждого человека должна быть преодолена философия «винтика». А для этого необходимы осознание великой идеи Канта, что человек не средство, а цель, и глубокое понимание идеи Гегеля, что если в обществе все мыслят одинаково – значит никто не мыслит.

Сегодня все сказанное уже вчерашний день, но для того времени это было чрезвычайно важно. И как показали дальнейшие события, неумение смотреть вперед отбросило М. Горбачева назад. Как известно, история не терпит сослагательного наклонения. И тем не менее хотелось бы смоделировать другой путь развития нашей страны, используя принципы синергетики. Если бы М. Горбачев использовал опыт Китая, прежде всего в области сельского хозяйства, а не бросился в объятия к Западу, то в магазинах не было бы голых полок и наша страна не стояла униженно с протянутой

рукой. Ход развития пошел бы в другом направлении. И сейчас бы мы процветали вместе с Китаем, который заполнил рынки Америки и Европы своими качественными и дешевыми товарами, что вызывает у них панику.

Многие считают, что развал Советского Союза был предательством по отношению к нашему народу. Эта точка зрения нашла отражение в печати. Так, в содержательной и интересной книге В.П. Мысниченко «Смотреть правде в глаза» (2004) [8] говорится, что Беловежское соглашение о ликвидации Советского Союза, организованное и подписанное Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем, было предательством. О своем решении они проинформировали прежде всего президента США Дж. Буша-старшего. Автор упомянутой книги с гневом пишет: «За эти антинародные преступления ...Ельцин вместе с перерожденцами Л. Кравчуком и С. Шушкевичем должны быть судимы со всей строгостью возмездия высшим судом всех народов Советского Союза» [8, с. 350]. А предательство горбачевской компании завершило эту черную работу, приведшую к реставрации капитализма, к ограблению и обнищанию миллионов людей. Мы познали всю глубину трагизма происходящих в обществе разрушительных процессов, всю тяжесть падения нашей страны (см. [8, с. 570]).

Мне представляется, что такой резкий вывод требует достаточного обоснования. Конечно,стораживает тот факт, что сразу, как послушные исполнители, поставили в известность американского президента о том, что они натворили. Если это осознанное предательство, то есть ли этому убедительные доказательства, кроме приведенного выше? А если сложились так обстоятельства, что другого выхода не было? Хотя в результате этого решения были разорваны экономические связи, которые складывались в течение десятков лет. А это не могло не привести к негативным последствиям. Здесь необходим был эволюционный путь развития, а не скачок, который дорого всем нам обошелся.

В целом следует отметить общую тенденцию в идеологической работе компартии необоснованно забегать вперед, торопить историю. При этом зачастую отсутствовала объективная логическая аргументация. Сплошь и рядом нарушались законы логики и прежде всего закон тождества – прежде чем спорить, нужно выяснить предмет спора. А спорить можно было только в рамках партийных решений.

Большевики, идя к власти, провозгласили лозунги: «фабрики и заводы – рабочим», «земля – крестьянам». Утверждалось, что государство управляет промышленностью от имени рабочих, которые получали самую низкую заработную плату во всей Европе. А крестьяне, задавленные налогами, в колхозах имели небольшой приусадебный участок, который в любой момент могло отобрать государство, если крестьянин не выполнит определенный минимум трудодней, на которые ему в течение многих лет ничего не давали. До 1956 г. колхозники не имели паспортов, а чтобы поехать в город, нужно было у председателя колхоза получить пропуск-разрешение. И все это называли социализмом, определяя при этом разные этапы: построили социализм в основном, полностью и окончательно, потом развитой социализм. А при Н.С. Хрущеве по его инициативе вообще объявили, что в 1980 г. у нас уже будет коммунизм. Приводились соответствующие цифры, которые должны были убедить всех в неизбежной победе коммунизма. Впоследствии, как стало известно, эти цифры были взяты с потолка.

И хотя в 1964 г. Хрущева отправили на пенсию, обвинив его в субъективизме и волюнтаризме, партийные документы о коммунизме никто не отменял. Почти вся литература по общественным наукам выходила под лозунгом: развернутое строительство коммунизма. В 1976-77 гг. я работал профессором Силезского университета (г. Катовице, ПНР). Приходилось выступать в разных аудиториях, где, как правило, задавали ехидный

вопрос: «Согласно вашей программе через три года у вас уже должен быть коммунизм. Так будет ли он?» Я отвечал так: «Как дисциплинированный коммунист должен ответить положительно, но не хочу выглядеть смешным и как философ отвечаю – нет!» Далее следовала моя аргументация, что, согласно Марксу, строительство коммунистического общества – сложный, длительный процесс, который охватит собой целую историческую эпоху и поэтому здесь недопустим субъективизм и тем более установление каких-то конкретных сроков. В одной аудитории после такого ответа мне даже выразили сочувствие: «Может, вам после таких высказываний не стоит возвращаться в Советский Союз?»

Как видим, вопрос и предельно простой, и вместе с тем весьма сложный. Как мне стало известно, работники нашего посольства в Варшаве согласовывали правильность моих ответов в Москве. Мне не надо было бы ходить по лезвию бритвы, если бы не было застоя, процветания догматизма, отсутствия гибкости в идеологической работе нашего государства.

Ликвидация Советского Союза привела и к ликвидации марксизма-ленинизма на просторах бывшего государства и бывших стран социализма в Восточной Европе. Маркс и Энгельс в 1848 г. писали: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». В Советском Союзе этот призрак воплотился в объективную реальность, просуществовавшую более 70-ти лет. Сегодня мы столкнулись с резкой критикой марксизма-ленинизма на основе голого отрицания, с карикатурами на Маркса и Ленина, с обвинениями их во всех смертных грехах.

Все не так просто, как кажется на первый взгляд. Как правило, наиболее решительно опровергают марксизм те, кто плохо его знает и понимает. Закономерно в связи с этим поставить вопрос: умер ли марксизм? Эта тема профессионально, глубоко и основательно обсуждалась в журнале «Вопросы философии» (см. [9]).

Все философы, принимающие участие в этой дискуссии, ответили на этот вопрос отрицательно. Свое отношение к этой проблеме я выразил в статье, опубликованной в 1991 г. «Возрождение марксистской философии». Если речь идет о советском марксизме (идеологии советской партократии), то такой марксизм должен уйти в прошлое, как позорное явление в истории человечества. Кант говорил, что главная цель воспитания – научить думать. Как актуальна эта мысль. Нужно учить не философии, а философствовать. У нас практика изучения марксизма-ленинизма была диаметрально противоположна этому указанию. Так, каждая глава в учебниках или научных работах начиналась следующими словами: «марксизм-ленинизм учит...». То есть, думать не надо, принимай все на веру. Когда я ехал работать профессором Братиславского университета (1973-74 гг.), то мой московский коллега, работавший там до меня, предупредил: «Ни одно твое выступление не должно начинаться этими словами. Не должно быть штампов. Все нужно доказывать от своего имени. Иначе, как специалист, ты поставишь на себе крест».

В концентрированной форме сущность большевизма сумел раскрыть А.Н. Яковлев – один из авторов перестройки – в своей интересной и вместе с тем спорной по ряду вопросов, книге «Предисловие. Обвал. Послесловие» (1992). Автор, справедливо подчеркивая, что большевизм – родное дитя марксизма (я бы добавил – уродливое дитя), пишет, что, с точки зрения исторической, это система социального помешательства, когда физически уничтожены крестьянство, дворянство, купечество, духовенство, интеллигенция. Это эксплуатация человека, экологический вандализм и идеологический монополизм.

С точки зрения философской – это субъективное торможение объективных

процессов, непонимание сути противоречий, рефлкторное неприятие любого оппонента, мегатонны догматизма, потребительско-расчетливое отношение к истине.

С точки зрения экономической – это минимальный конечный результат при максимальных затратах в силу волюнтаристского отрицания закона стоимости. Анархия производительных сил. Бюрократический абсолютизм производственных отношений. Консервация научно-технической отсталости. Уравниловка, нет оплаты по труду, и как результат – люмпенская психология. Тотальный дефицит. Милитаризация экономики, когда 75% ее работало на войну. Безответственность, безхозяйственность. Система породила адекватных руководителей. От себя добавлю – грустная картина, но справедливая.

Яковлев дал характеристику большевизма в 1992 г. как современник. Аналогичная точка зрения на это явление была высказана в книге известного философа и математика Бертрана Рассела «Практика и теория большевизма» (1920) [10]. В ней он пишет: «Я вынужден отвергнуть большевизм по двум причинам: во-первых, потому что цена, которую должно заплатить человечество за достижение коммунизма большевистскими методами, более чем ужасна; во-вторых, я не убежден, что даже такой ценой можно достичь результата, к которому стремятся большевики» [10, с. 89].

В другом месте автор подчеркивает: «Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме, ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия» [10, с. 100].

Многие годы в условиях тоталитарного режима люди жили в атмосфере подозрительности и страха за свою жизнь и за жизнь дорогих и близких. Автор пророчески пишет, что «...ненависть, подозрительность и жестокость сделаются нормой в отношениях между людьми» [10, с. 19]. Подводя итог анализу практики и теории большевизма, Б. Рассел заключает: общество, построенное на насилии, потерпит неудачу и погибнет!

В 1937 г. в Лондоне вышла книга известного российского философа Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» [11]. Впервые на русском языке она была издана в Париже в 1955 г. За знакомство с этой книгой можно было получить длительный срок в лагерях, т.к. она подпадала под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Содержание монографии Н.А. Бердяева свидетельствует, что он не был знаком с книгой Б. Рассела, но выводы, которые он делает в ней, полностью совпадают с выводами последнего. Политическая система СССР вызывает у Бердяева негодование и возмущение. Она бесчеловечна, вся в крови и держит народ в страшных тисках. Репрессии, возведенные в ранг государственной политики, разгромные постановления по идеологическим вопросам, гонения на деятелей науки и культуры.

Философ писал, что русские вульгарные коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской морали, морали любви, жалости, сострадания. И это может быть и есть самое страшное (разрядка моя) в таком коммунизме [11, с. 135]. Советская философия есть государственная ортодоксальная философия, она обличает и отлучает еретиков [11, с. 122]. В целом это диктатура мирозерцания и основанного на ней тоталитарного строя. С точки зрения экономической, Советская Россия есть страна государственного капитализма, который может эксплуатировать не менее частного капитала [11, с. 105]. Как видно, советская модель марксизма у выдающегося мыслителя XX в. вызывала резко негативное отношение.

Продолжая анализ этой проблемы, нужно иметь в виду, что между марксизмом и ленинизмом имеются существенные различия. Это относится прежде всего к вопросу

о частной собственности. У Маркса речь идет о преодолении, «положительном упразднении» частной собственности, т.е. о длительном отмирании политики и экономики, о целой исторической эпохе превращения капитализма в коммунизм, эпохе социальной революции. Большевики же в ходе политической революции провозгласили одним росчерком пера ликвидацию, «негативное упразднение» частной собственности, т.е. «грабь награбленное».

Далее, по Марксу, социалистическая революция может произойти сразу в нескольких развитых капиталистических странах. Ленин же провозгласил возможность социалистической революции в одной отдельно взятой стране, в которой, как известно, не было ни материальных, ни культурных условий для перехода к социализму.

Ленин негативно относился к метафизической концепции развития, считая, что она «суха, бледна, мертва». Такое категорическое утверждение привело в истории советской философии к тому, что эта концепция была лишена права на существование. В то время как, Энгельс к этому вопросу подходил иначе, считая, что метафизический метод «...имел в свое время великое историческое оправдание» [1, с. 401].

Что же объединяет марксизм и ленинизм? Это учение о диктатуре пролетариата, которое, по мнению Ленина, является главным в марксизме. Сегодня продолжать считать это учение актуальным было бы, как мне представляется, проявлением догматизма и утопизма.

Во-первых, вызывает недоумение, как пролетариат, не способный, не имеющий возможности в массе своей овладеть высотами человеческой культуры, озлобленный нищетой, мог найти в себе духовные силы, разум, чтобы построить более совершенное общество?

Во-вторых, пролетариат в марксовом понимании в начале XXI в. отсутствует. Рабочему классу в странах, вступивших в постиндустриальную эпоху, есть что терять. В середине 70-х гг. XX в. в западноевропейских странах было проведено социологическое исследование, в ходе которого был задан вопрос: «Хотите ли вы ликвидации капитализма в своей стране и установления диктатуры пролетариата?» Положительно ответили только 2%, а остальные 98% опрошенных заявили о необходимости дальнейшего совершенствования народного капитализма. Эти данные были приведены в докладе проф. В.В. Загладина, работника ЦК КПСС, с которым он выступил на совещании заведующих кафедрами общественных наук, проходившем в Кремле в 1976 г. По данным западных социологов, в ряде европейских стран на 80% осуществлены марксовские идеи социализма, в частности участие рабочих в распределении прибылей, социальная защита прав наемных работников.

В-третьих, по своей природе идея диктатуры пролетариата недемократична, ибо противоречит гуманной сущности марксизма, оправдывает насилие не только по отношению к буржуазии, но и по отношению к крестьянству, интеллигенции, что и проявилось в грандиозных масштабах в нашем обществе, породив трагические последствия – отчуждение всех трудящихся, в том числе и рабочего класса, от собственности, от власти и духовной жизни. Интеллигенция в советском обществе рассматривалась как прослойка между классами. А ведь интеллигенция – это мозг общества, его интеллектуальная сила и мощь. Без интеллигенции не может быть прогрессивного развития в любом направлении. По Марксу, концепция социализма состоит в избавлении всех от отчуждения, в свободном развитии каждого как условия свободного развития всех.

Как видим, идея диктатуры пролетариата посредством догматического истолкования

была доведена до абсурда, что в конечном итоге привело к отрицанию самой сути марксизма. Каковы же причины этого? Уместно привести в связи с этим взгляд главы неофрейдизма Э. Фромма (цит. по журналу «Диалог», 1990, № 8): «Как могло случиться, что философия Маркса была полностью деформирована толкователями, превращена в свою противоположность? Есть несколько причин. Первая и самая очевидная – это невежество». Нельзя не согласиться с этой точкой зрения.

Вызывает также возражение провозглашенный Марксом коммунистический принцип распределения по потребностям, который, по моему мнению, является утопическим. Известно, что в научной литературе предпринимались попытки обосновать понятие «разумные потребности». Как правило, предлагавшиеся критерии этого понятия оказались весьма далеки от истины. А практическое воплощение этой идеи могло привести только лишь к неразрешимому конфликту человека и природы.

Что же касается марксизма, очищенного от утопических заблуждений, то очевидно, что он сыграл выдающуюся прогрессивную роль в истории человечества, т.к. в значительной степени способствовал преобразованию капитализма XIX в. в современное демократическое общество, сумевшее решить многие социальные и экономические проблемы в интересах трудящихся. Ведь не случайно продвинутые апологеты современного капитализма пристально изучают труды Маркса и делают попытки опереться на них в своей практике реформирования капитализма в сторону гуманистической составляющей. Для них К. Маркс – выдающийся ученый, экономист и философ, «Капитал» которого не утратил и сегодня своего методологического значения. Об этом мне говорили члены дирекции фирмы «Сименс» во время моего посещения по их приглашению в 1984 г. в Западный Берлин.

Прогрессивный американский социолог Р. Милс считал работы Маркса одним из инструментов профессионально работающего социолога. Ученый заявлял: «Если в моих трудах находят отголоски некоторых идей Маркса, то это свидетельствует лишь о том, что я получил хорошее образование». Столь же характерно высказывание другого западного социолога Дж. Гэлбрейта: «Откровенно говоря, я считаю Маркса слишком крупной фигурой, чтобы целиком его отдать вам, социалистам и коммунистам» [12, с. 79].

Неоценимым вкладом в историю философской мысли является разработка Марксом диалектико-материалистического подхода к анализу общественных явлений, открытие им законов общественного развития. Именно эти законы были извращены Сталиным в его работе «Экономические проблемы социализма», и это дорого обошлось нашему обществу, которое оказалось в глубоком кризисе. Сбылись пророческие слова Энгельса: «Презрение к диалектике не остается безнаказанным».

А в учении Маркса о социализме следует выделить прежде всего его экономическую основу – учение об ассоциации свободных тружеников. Это находящиеся в коллективной собственности предприятия, различные кооперативы. Разгосударствление собственности приведет к ликвидации такой системы наемного труда, при которой государство полностью присваивает себе прибавочный продукт и по сути бесконтрольно им распоряжается. Это, наконец, приведет к распределению в соответствии с количеством и качеством труда. В советской печати в 1985 г. приводились такие данные: при капитализме на зарплату идет 70-80% чистого продукта, а у нас – 36%. Рядовой гражданин США из общественных фондов получает в четыре раза больше, чем житель СССР.

Говоря о перспективах развития философии XXI в., я в своей статье «Еще раз к вопросу о диалектике» на основе изучения литературы по проблемам синергетики прихожу к выводу: возможно допустить возникновение нового этапа научной революции,

что приведет к новому витку в развитии диалектики и философии в целом.

Справедливо отмечает в своей статье проф. Г.И. Рузавин, что «...диалектическая концепция развития...подкрепляется и конкретизируется синергетической теорией самоорганизации» [13, с. 21].

Снова, который раз убеждаешься в том, что мы бесконечно мало знаем об окружающем нас мире. У Б. Рассела есть прекрасное четверостишие (см. [14, с. 512]):

Природа и ее законы покрыты были мраком.

Но бог сказал: «Да будет Ньютон!» – и все стало ясным.

Однако ненадолго. Воскликнул дьявол: «Да будет Эйнштейн!»

И снова все покрыто стало мраком.

Здесь можно добавить еще одну строку: «Возникла синергетика – и стало все еще темнее!»

Синергетика поражает необычайными идеями и представлениями. До последнего времени такие понятия, как нестабильность, хаос, беспорядок, неустойчивость, случайность рассматривали со знаком минус. Что касается последнего, то широко был распространен лозунг: «Наука – враг случайностей!»

С точки зрения синергетики, эти понятия дают возможность уяснить сложный и противоречивый характер развития. А это, в свою очередь, возможно сделать на основе анализа единства и борьбы противоположностей приведенных ниже полярностей. Стабильность – нестабильность, порядок – беспорядок, устойчивость – неустойчивость, линейность – нелинейность, гармония – хаос. Хаос разрушителен и в то же время созидателен. Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению.

Классическая концепция диалектики не в состоянии объяснить новые парадигмы видения синергетикой процессов развития. Мировоззренческое содержание идеи нелинейности заключается в многовариантности, альтернативности путей эволюции, а случайность рассматривается как существенный элемент мира.

Таким образом, возникновение синергетики и ее развитие создает условия для разработки современной философской концепции развития на основе углубления наших знаний о сущности закона единства и борьбы противоположностей. А познание этой сущности – бесконечный процесс.

Если отказаться от персонификации философской мысли, тем более, что она объективно представляет синтез всего богатства идей XIX-XX вв., то развитие философии в XXI в. должно происходить именно на основе дальнейшего развития этого синтеза, который воплотит в себе в конечном итоге все достижения общечеловеческой культуры.

Перечитал свои философские заметки. Получилась мрачная картина, но, к сожалению, она соответствует истине. Как было тяжело моему поколению. Это должны знать молодые ученые, которым я завидую, поскольку они получили возможность для своего самовыражения. Сегодня существует широкий простор для выбора темы своего исследования. Нет границ, обусловленных господством только одного мировоззрения, которое считалось единственно истинным, а все остальные – антинаучные и даже реакционные.

Но читающий эти страницы, закономерно может задать вопрос: а как же победа над фашистской Германией, когда была создана Великая держава с развитой промышленностью, с атомным оружием, которую уважали и боялись и которой гордились советские люди. Система, созданная вопреки экономическим законам, была обречена рано или поздно на крах. Как уже было сказано, у нас учение Маркса во многом было извращено. И поэтому научный социализм не был построен в нашей стране. Наши

победы достались нам слишком дорогой ценой. Действовал общий принцип – мы за ценой не постоим! Мы до сих пор не знаем, сколько миллионов советских людей погибло в гражданской войне, в Великой Отечественной войне, в период индустриализации и коллективизации, в сталинских лагерях, т.к. господствовала идеология, когда каждый человек был «винтиком» в бюрократической системе, был средством, а не целью. А все потери и жертвы оправдывались лозунгом – лес рубят, щепки летят.

В заключении хотел бы сделать ряд рекомендаций молодым ученым-философам:

1. Следует всегда помнить следующие положения Гегеля: «Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение* предметов» [15, с. 85] и «Философия должна прежде всего доказать нашему обыденному сознанию, что существует *потребность в собственно философском способе познания* или даже должна пробудить такую потребность» [15, с. 88].

Усвоив эти мысли великого философа, можно приступать к исследованию. Недавно мне удалось прочесть интересную книгу Карла Пирсона «Грамматика науки» (1892) [16]. Хочу привести интересную и глубокую мысль этого ученого, не утратившую своей актуальности и методологической направленности. «Настоящая цель исследования – это дать понять метод науки, а не сообщать знание фактов. Первая цель всякого истинно научного сочинения, даже и популярного, должна состоять в том, чтобы дать классификацию фактов (подчеркнуто мной – К.Б.), ведущую читателя с железной необходимостью к признанию логической последовательности, некоторого закона. Значит, такое сочинение должно обращаться прежде всего к разуму, а лишь потом к воображению» [16, с. 23]. Этим любая философская работа отличается от литературного произведения. Думаю, что это требование относится к любой научной работе. Сегодня исследователь имеет возможность в своей работе использовать различные методы, либо синтез некоторых из них. Без этого нет философской работы.

2. Философская работа не может сводиться к изложению фактического материала, в котором автор может просто утонуть, соглашаясь при этом со всеми приведенными мнениями. Закономерно возникает вопрос, а где же автор, где его обоснования и аргументированная точка зрения? Следовательно, любая диссертация должна носить полемический характер и не должна быть описательной. Классическим примером являются труды Гегеля.

3. Инструкция ВАКа совершенно справедливо требует, чтобы в диссертации был отражен личный вклад автора в достижении научных результатов, которые выносятся на защиту.

4. Серьезным недостатком многих диссертаций является отсутствие разработанных понятий. Здесь следует руководствоваться общеизвестными философско-логическими положениями о понятии, отразив его общие и существенные признаки, раскрыв содержание этого понятия, объем его, виды понятий.

5. Недопустимы расхождения между авторефератом и рукописью диссертации. К сожалению, бывает так, когда автор в автореферате или во вступлении к работе обещает рассмотреть ряд чрезвычайно важных теоретических положений, а в работе они не находят соответствующего отражения.

Ниже хочу предложить список рекомендованной литературы, изучение которой даст вам возможность в какой-то мере представить уровень современной западной философии и осознать глубину произведений русских религиозных философов:

1. Ницше Ф. Избранные произведения. В 2-х томах. – Итало-советское изд-во «Сирин», 1990.

2. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х томах. – М.: Феникс, 1992.
3. Фромм Э.: Человек и его ценности. – М., 1988.; Проблема человека в западной философии. – М., 1988.; Бегство от свободы. – М., 1989.; Психология личности. – М., 1982.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1993.
5. Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990.
6. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – М., 1990.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994.
8. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991.
9. Сумерки богов. Работы: Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. – М., 1990.
10. Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991.
11. Бердяев Н.А.: Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.; Судьба России. – М., 1990.; Смысл истории. – М., 1990.; Русская идея. В сборнике: О России и русской философской культуре. Философы послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
12. Сорокин П.: Человек, цивилизация, общество. – М., 1992.; Долгий путь. – Сыктывкар, 1991.
13. Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991.
14. Лоский Н.О. Избранное. – М., 1991.
15. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах. – Ленинград, 1991.
16. Русский эрос или философия любви в России. – М., 1991.
17. Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1993.
18. Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Т. Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991.
19. Андреев Д. Роза мира. – М., 1993.
20. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. – М., 1990.
21. Долгов К.М. От Киркегора до Камю. – М., 1991.

Литература:

1. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. – М.: Политиздат, 1981. – 643 с.
2. Ленин В.И. Философские тетради / ПСС. Т. 29. – М.: Политиздат, 1963. – 782 с.
3. Богданов А.А. Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Вопросы философии. – 1991. – № 12. – С. 39-88.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм / ПСС. Т. 18. – М.: Политиздат, 1976. – 525 с.
5. Васильев Л.Л. Внушение на расстоянии. – М.: Политиздат, 1962. – 159 с.
6. Кажинский Б.Б. Биологическая радиосвязь. – Киев: Изд-во АН УССР, 1963. – 167 с.
7. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
8. Мысниченко В.П. Смотреть правде в глаза. – Харьков: А.С.Е. Майдан, 2004. – 584 с.
9. Умер ли марксизм? (Материалы дискуссии) // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 19-52.
10. Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991. – 128 с.
11. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
12. Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. Капитализм, социализм, существование. – М., 1988.
13. Рузавин Г.И. Синергетика и диалектическая концепция развития // Философские

науки. – 1989. – № 5. – С. 19-26.

14. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы: Пер. с англ. – К.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.

15. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.

16. Пирсон К. Грамматика науки. – Санкт-Петербург, 1892. – 260 с.